

ANKASAM

БЮЛЛЕТЕНЬ

сент 2026 г.
ВЫПУСК: 2026/9

03

Азербайджан, Казахстан
и Узбекистан как
«мини-средние
державы»

21

Стабильность Мелони и
подъем Ваначчи: что
думает Европа по поводу
ультраправых?

СОДЕРЖАНИЕ

ANKASAM АНАЛИЗ

- 03** **Азербайджан, Казахстан и Узбекистан как «мини-средние державы»**
Nodirjon MURODOV
- 05** **Новый Подход Европейского Союза К Безопасности: Институциональная Трансформация, Практическая Реализуемость И Будущее**
Prof. Dr. Murat ERCAN
- 08** **Союзнические отношения США и Израиля в войне с Ираном**
Başak ERTUNÇ
- 10** **Геополитика институционального доверия в конкуренции «серой зоны»**
Kürşat ISMAYIL
- 12** **Индийско-узбекское всеобъемлющее стратегическое партнёрство**
Banu YAKUBOVA
- 15** **Кризис дистилляции знаний в американо-китайской конкуренции в сфере искусственного интеллекта**
Zeynep Çağla ERİN
- 18** **Трёхмерная «Проблема Запада» и тектонические разломы глобального порядка**
Prof. Dr. Mehmet Seyfettin EROL
- 20** **Стабильность Мелони и подъем Ваначчи: что думает Европа по поводу ультраправых?**
Gamze BAL

ANKASAM В СМИ

24 СМ

ЖУРНАЛ

25 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ КРИЗИСНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ANKASAM АНАЛИЗ

Азербайджан, Казахстан и Узбекистан как «мини-средние державы»

Nodirjon Murodov

Геополитическое значение Центральной Азии и Южного Кавказа традиционно интерпретировалось через призму влияния великих держав в регионе. Историческое влияние России, экономическая экспансия Китая, а также растущий интерес Запада и Соединённых Штатов к региону укрепили представление о том, что Азербайджан, Казахстан и Узбекистан являются объектами конкуренции великих держав. Действительно, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан не обладают сопоставимыми с Россией, Китаем или другими крупными державами экономическими или военными возможностями. Однако в условиях, когда конкуренция в сфере искусственного интеллекта и борьба за критически важные ресурсы постепенно усиливаются, великие державы нуждаются в различных ресурсах и возможностях, которыми располагают эти три страны. Энергетические ресурсы, стратегическая география, транспортные маршруты и расширяющиеся рынки обеспечивают этим государствам стратегический рычаг, выходящий за рамки традиционных показателей национальной мощи. Поэтому Азербайджан, Казахстан и Узбекистан развиваются не столько как средние державы в традиционном смысле, сколько как «мини-средние державы»^[1], превращая свои стратегически значимые, но ограниченные активы в инструменты влияния, которые крупные государства не могут легко заменить.

После обретения независимости Азербайджан, Казахстан и Узбекистан обладали стратегически важным географическим положением, однако их возможности эффективно использовать это положение были ограничены. Их экономики и инфраструктура формировались в рамках советской системы. Железнодорожные сети преимущественно связывали регион с северным направлением, тогда как трубопроводы интегрировали производство энергоресурсов в советские сети. Промышленные цепочки поставок также в значительной степени были ориентированы на советский рынок. Таким образом, несмотря на то что эти государства обладали суверенитетом над ценными территориями, значительная часть их инфраструктуры продолжала зависеть от России.

Для трансформации этого порядка три страны избрали различные стратегии. Азербайджан, используя свои энергетические ресурсы, разработал маршруты, обходящие Россию. Нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан с 2006 года транспортирует каспийскую нефть через Грузию и Турцию в Средиземное море. Южный газовый коридор впоследствии связал азербайджанский газ с европейскими рынками. В результате Азербайджан превратился в важную транзитную страну, позволяющую другим государствам снижать свою зависимость от альтернативных маршрутов.

Географическое положение Казахстана между Россией и Китаем сделало полный стратегический разрыв с Москвой и Пекином нереалистичным. Астана проводила многовекторную внешнюю политику, одновременно развивая экономические отношения с Китаем, Европой и Соединёнными Штатами. Узбекистан же в первые годы после обретения независимости пошёл по иному пути. Ташкент отдавал приоритет суверенитету и ограничению внешних обязательств. Такой подход позволял сохранять политическую автономию, но одновременно ограничивал региональную экономическую интеграцию. После 2016 года администрация Шавката Мирзиёева начала развивать отношения с соседними странами, увеличивать объёмы торговли и открывать экономику для внешнего мира.

В более широком контексте эту трансформацию можно рассматривать как постепенный переход от стремления защитить географическое пространство от внешнего влияния к пониманию географии как экономического актива.

Сегодня Азербайджан занимает важное транзитное положение между Каспийским морем, Южным Кавказом, Турцией и Европой. Казахстан, в свою очередь, сочетает значительные энергетические и минеральные ресурсы с ключевым сухопутным соединением между Китаем и Каспийским морем. Узбекистан, обладая крупнейшим населением в Центральной Азии и одним из крупнейших рынков региона, также находится в центре региональной сухопутной транспортной сети. Ни одна из этих стран не обладает комплексными возможностями традиционной средней или великой державы. Вместе с тем их современное стратегическое значение обусловлено не столько их общим масштабом, сколько концентрацией ресурсов, географии и взаимосвязанности в определённых сферах.

Треугольник Азербайджан — Казахстан — Узбекистан отражает важную трансформацию евразийской геополитики: географическая значимость постепенно превращается в стратегическую автономию и субъектность. Традиционные показатели национальной мощи обычно сосредоточены на таких факторах, как валовой внутренний продукт (ВВП), военный потенциал, численность населения и дипломатические возможности. Однако эти показатели не в полной мере объясняют, почему относительно небольшое государство может приобретать стратегическую ценность для значительно более крупных акторов. Возникшая в последнее время концепция «мини-средних держав» предлагает важную аналитическую рамку для объяснения роста этих трёх стран как значимых акторов и различия между общей мощностью государства и функциональным стратегическим рычагом. Мини-средние державы — это государства, которые не способны столь же комплексно, как традиционные средние державы, формировать международную повестку, но обладают значительным потенциалом влияния в определённых сферах, таких как энергетика, транспорт, география, региональная безопасность, посредничество или доступ к важным акторам.^[i]

Мини-средняя держава не обязана обладать всеобъемлющим силовым потенциалом, чтобы заставить более крупные государства учитывать её предпочтения. Вместо этого достаточно обладать такой стратегической значимостью, которая создаёт у крупных держав заинтересованность в продолжении сотрудничества. Поэтому влияние мини-средних держав в значительной степени носит ограниченный конкретными вопросами, условный и реляционный характер. Одной из наиболее отличительных характеристик мини-средних держав является фактор «потребности». Стратегическое влияние мини-средней державы возрастает, когда другие акторы нуждаются в том, что она может предоставить и что невозможно легко получить из альтернативных источников. Значение нефтяных и газовых ресурсов Азербайджана возрастает в периоды, когда покупатели ищут альтернативные источники энергии. Средний коридор также получил преимущества вследствие перебоев в торговле через территорию России. Вместе с тем правительства стран, расположенных вдоль этого маршрута, осознают, что в случае восстановления торгово-экономических отношений между Западом и Россией часть грузопотока может вновь переместиться на северный маршрут. Эти страны не смогут самостоятельно определять условия следующего международного порядка. Однако акторы, стремящиеся формировать международный порядок, во многих случаях будут нуждаться в доступе к маршрутам, ресурсам или дипломатическим возможностям этих государств. Без сотрудничества с ними великим державам будет сложнее достигать своих целей.^[ii]

Истинное значение этих трёх «мини-средних держав» заключается во взаимодействии различных и взаимодополняющих рычагов влияния, которыми они обладают. Азербайджан благодаря своей энергетической инфраструктуре и положению между Каспийским морем и европейскими рынками представляет собой транзитную державу. Казахстан благодаря своим природным ресурсам и континентальному географическому положению сочетает ресурсную мощь с транзитным потенциалом. Узбекистан же благодаря своему экономическому масштабу, демографическому потенциалу и центральному положению в Центральной Азии предоставляет рычаги рыночной и демографической мощи. В этом контексте именно тесное сотрудничество способно повысить ценность стратегических активов каждой из стран. Действительно, функционирующая сеть железных дорог, портов, рынков, энергетической инфраструктуры и логистических центров делает обход отдельных маршрутов более сложным. Поэтому одной из ключевых целей этих государств является обеспечение взаимосвязанности принадлежащих им национальных активов. Если это удастся реализовать, стратегическая ценность региона также изменится. Великие державы будут не только конкурировать за влияние в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане, но и будут вынуждены сотрудничать и вести переговоры с ними для получения доступа к сетям, находящимся под их контролем.

Таким образом, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан демонстрируют, что государства с ограниченными совокупными возможностями способны добиваться более высокого уровня стратегического влияния, концентрируясь на активах, которые имеют ценность для великих держав. Энергетические ресурсы и транзитное положение Азербайджана, природные ресурсы и континентальная география Казахстана, а также размер рынка и демографический вес Узбекистана обеспечивают каждой стране уникальный стратегический рычаг. Долгосрочное влияние этих государств будет зависеть от того, в какой степени они смогут объединить эти преимущества и сделать их устойчивыми. Сотрудничество способно повысить ценность индивидуальных позиций стран, тогда как попытки превратить их функциональное значение в региональную иерархию могут усилить тенденции к диверсификации и ослабить существующую взаимозависимость. Значение этих трёх стран определяется не их способностью достичь того же уровня возможностей, которым обладают великие державы, а их способностью формировать условия, в которых эти державы вынуждены действовать, реализуя свои интересы в Евразии.

[i] “Don’t dismiss the mini-middle powers”, Financial Times, <https://www.ft.com/content/c2ee0910-ee7d-4a36-bf5e-697c7ade93a2>, (Дата обращения: 23.09.2026).

[ii] Там же.

[iii] Там же.

ANKASAM АНАЛИЗ

Новый Подход Европейского Союза К Безопасности: Институциональная Трансформация, Практическая Реализуемость И Будущее

Prof. Dr. Murat Ercan

Подход Европейского союза к безопасности в последние годы претерпевает трансформацию, выходящую за рамки традиционного понимания обороны, что обусловлено диверсификацией угроз, с которыми сталкивается Европа. Российско-украинская война, гибридные атаки, киберугрозы, попытки саботажа и расширение использования беспилотных летательных аппаратов в сфере безопасности обусловили необходимость пересмотра способности Союза совместно реагировать на кризисы. Одним из актуальных проявлений этой трансформации стали предложения в области безопасности, озвученные председателем Европейской комиссии Урсолой фон дер Ляйен 16 сентября 2026 года в Европейском парламенте в ходе выступления «О положении Союза». Помимо разработки новой стратегии безопасности для Европы, фон дер Ляйен предложила создать единый протокол экстренного реагирования на инциденты, которые не достигают порога вооружённого нападения, но угрожают национальной безопасности, а также учредить Европейский совет безопасности. Кроме того, она вынесла на повестку дня вопрос об увеличении совместных европейских инвестиций в ключевые вспомогательные компоненты обороны, включая противовоздушную и противоракетную оборону, стратегические транспортные возможности, космический потенциал и кибернетические средства^[i]. Эти предложения свидетельствуют о том, что подход ЕС к безопасности ориентирован не только на наращивание военного потенциала, но и на укрепление институциональной координации в противодействии гибридным угрозам, развитие стратегических возможностей и совершенствование механизмов совместного реагирования государств-членов.

В основе данной трансформации лежит изменение характера угроз, с которыми сталкивается Европа. Если в рамках традиционного подхода к безопасности угрозы рассматривались преимущественно сквозь призму открытых военных нападений и конвенциональных конфликтов между государствами, то сегодня кибератаки, попытки саботажа, атаки на критически важную инфраструктуру, дезинформация, внешнее вмешательство и риски, связанные с использованием беспилотных летательных аппаратов, способны оказывать воздействие на безопасность государств даже при отсутствии открытого военного конфликта или объявления войны. Европейская комиссия также рассматривает современный подход к безопасности в контексте этой меняющейся среды угроз и обращает внимание на то, что Европа сталкивается со всё более интенсивными гибридными угрозами. В частности, возможность возникновения некоторых угроз ниже порога вооружённого конфликта обуславливает необходимость выстраивать политику безопасности не только с точки зрения способности реагировать на уже совершенные нападения, но и с учётом возможностей выявления, оценки и скоординированного управления угрозами. В этом контексте подход фон дер Ляйен свидетельствует об укреплении проактивной концепции безопасности, предполагающей выход европейской политики безопасности за рамки модели реагирования на уже возникший кризис, заблаговременное выявление угроз, их совместную оценку и выработку скоординированных политических мер государствами — членами ЕС.

В этом контексте предлагаемый Протокол экстренного реагирования в сфере безопасности выступает одной из важнейших институциональных инноваций в европейской архитектуре безопасности. Основная цель данного механизма заключается в обеспечении быстрого объединения усилий государств — членов ЕС и формировании общего европейского ответа на угрозы, которые не достигают уровня прямого вооружённого нападения, но серьёзно затрагивают национальную безопасность одного из государств-членов. В этом отношении предложение предусматривает механизм консультаций и координации, сопоставимый со статьёй 4 Североатлантического договора. Одновременно оно направлено на выработку более системного и скоординированного политического ответа на гибридные угрозы на уровне Европейского союза. Ключевое изменение состоит в том, что подход к безопасности больше не ограничивается реагированием на уже совершённое вооружённое нападение, а предусматривает совместные действия также в случае кибератак, попыток саботажа и других подобных гибридных угроз. Такой механизм призван объединить различные представления европейских государств об угрозах в рамках общей оценки безопасности и укрепить политическую координацию реагирования на них. Вместе с тем практическая эффективность механизма будет зависеть от критериев, на основании которых будут определяться события, способные привести протокол в действие, а также от способности государств — членов ЕС достичь согласия относительно общей оценки угроз.

Предложение о создании Европейского совета безопасности, в свою очередь, раскрывает более широкое геополитическое измерение данной трансформации в сфере безопасности. В подходе фон дер Ляйен безопасность Европы рассматривается не только в рамках безопасности государств — членов Европейского союза, но и в более широком политическом формате, предполагающем возможное участие таких стран, занимающих важное место в евроатлантической архитектуре безопасности, как Канада, Норвегия, Украина и Великобритания. Данный подход свидетельствует о том, что различие между институциональными границами европейской безопасности и её геополитическим и стратегическим охватом становится всё более очевидным. В частности, выдвижение Украины в качестве одного из потенциальных участников данной структуры демонстрирует влияние российско-украинской войны на переустройство европейской системы безопасности. Включение в данную структуру таких государств — членов НАТО, как Великобритания, Канада и Норвегия, отражает стремление ЕС расширить сотрудничество в сфере безопасности за пределы Союза. Вместе с тем важным институциональным вопросом остаётся распределение функций между подобной структурой и НАТО, Советом Европы, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а также другими существующими механизмами безопасности. Следовательно, создание Европейского совета безопасности представляет собой не просто учреждение новой институциональной структуры, а указывает на более масштабный процесс, который может повлечь за собой пересмотр распределения функций, координации и разграничения полномочий между существующими в Европе механизмами безопасности.

Другим важным аспектом нового подхода к безопасности является то, что оборонный потенциал Европы рассматривается не только с точки зрения систем вооружения и военного персонала. Российско-украинская война более отчётливо продемонстрировала значение таких вспомогательных компонентов, как противовоздушная и противоракетная оборона, стратегические транспортные возможности, дозаправка в воздухе, а также космический и кибернетический потенциал для обеспечения эффективности и устойчивости современных военных сил. Эти компоненты, определяемые Европейской комиссией как стратегические средства обеспечения, формируют критически важный вспомогательный потенциал, необходимый для эффективного применения вооружённых сил. Поэтому укрепление оборонного потенциала Европы не ограничивается увеличением оборонных расходов или разработкой большего количества систем вооружения. Оно также требует совместного развития технологической, логистической и стратегической вспомогательной инфраструктуры, обеспечивающей эффективность военного потенциала. В этой связи предложение Европейской комиссии разработать Европейский инструмент стратегического обеспечения в полном соответствии с принципами и структурами НАТО свидетельствует о намерении координировать усилия по укреплению европейского оборонного потенциала с существующей системой обороны НАТО. Таким образом, развитие оборонного потенциала Европы всё больше основывается на комплексном подходе, предусматривающем не только укрепление национальных военных возможностей, но и формирование критически важного вспомогательного потенциала на общеевропейском уровне.

Данное развитие событий также выводит дискуссию о стратегической автономии Европы на новый уровень. Стратегическая автономия рассматривается не столько как превращение Европы в полностью независимого субъекта внешней политики и политики безопасности, сколько как развитие возможностей, позволяющих снизить её зависимость от внешних ресурсов и потенциала в критически важных сферах безопасности и обороны. В условиях активизации дискуссий о роли США в обеспечении европейской безопасности стремление Европы развивать собственные возможности в таких областях, как оборонная промышленность, разведка, космическая инфраструктура, кибербезопасность и стратегические транспортные средства, свидетельствует о намерении расширить её способность к самостоятельным действиям в сфере безопасности. Вместе с тем интерпретация стремления Европы к стратегической автономии как дистанцирования от НАТО или создания альтернативной НАТО структуры безопасности не в полной мере соответствует существующим политическим установкам. Европейская комиссия предусматривает развитие инициатив по формированию новых стратегических возможностей в координации с НАТО. Таким образом, формирующийся подход отражает стремление не к созданию альтернативной системы безопасности, призванной заменить НАТО, а к укреплению собственного оборонного потенциала Европы, расширению её способности брать на себя больше ответственности в рамках действующего альянса и при необходимости в большей степени опираться на собственные ресурсы.

Одной из примечательных особенностей нового подхода к безопасности является всё более выраженное технологическое измерение самого понятия безопасности. Кибербезопасность, космические системы, спутниковые технологии, разведывательная инфраструктура и беспилотные системы перестают быть лишь элементами, дополняющими традиционный военный потенциал, и превращаются в ключевые составляющие стратегического потенциала. Эта трансформация повышает значение способности собирать и обрабатывать данные, а также разрабатывать на основе полученной информации прогнозы относительно будущих угроз в политике безопасности.

Потенциал государства или международной организации в сфере безопасности теперь определяется не только имеющимися в его распоряжении физическими военными средствами, но и способностью в режиме реального времени анализировать данные, поступающие из различных источников, классифицировать угрозы и ускорять процессы принятия решений. В этом контексте новый подход Европы к безопасности демонстрирует возрастающую роль технологического и цифрового потенциала в формировании и реализации политики безопасности. Таким образом, безопасность становится многомерной сферой, которая определяется не только количеством военных ресурсов, но также потенциалом в области данных, технологий и обработки информации.

Данное обстоятельство приобретает особое значение в контексте возрастающей роли искусственного интеллекта и алгоритмических систем поддержки принятия решений в политике безопасности. Сложный и многомерный характер гибридных угроз может требовать одновременной оценки данных, поступающих из различных источников. Такие процессы, как мониторинг кибератак, анализ перемещений беспилотных летательных аппаратов, выявление аномальной активности, направленной против критически важной инфраструктуры, и обнаружение сетей дезинформации, предполагают необходимость обработки и интерпретации значительных объёмов данных за короткий промежуток времени. В этом контексте системы анализа на основе искусственного интеллекта выступают технологическими инструментами, способными снизить информационную нагрузку на лиц, принимающих решения, и содействовать развитию механизмов раннего предупреждения об угрозах. Вместе с тем использование алгоритмических систем в сфере безопасности порождает целый ряд проблем, связанных с качеством данных, алгоритмической предвзятостью, прозрачностью, подотчётностью и ложноположительными результатами. Следовательно, развитие технологического потенциала само по себе не гарантирует повышения уровня безопасности. Определение институциональных, правовых и этических рамок применения искусственного интеллекта и алгоритмических систем также становится одним из ключевых элементов политики безопасности.

В этом контексте предложенная фон дер Ляйен новая архитектура безопасности указывает на более масштабную трансформацию подхода Европейского союза к безопасности, которая не сводится исключительно к наращиванию потенциала. Эта трансформация не ограничивается увеличением оборонных расходов или разработкой новых военных проектов. Она также предполагает пересмотр подходов Европы к определению и оценке угроз, механизмов принятия решений, координации государств-членов в сфере безопасности, отношений с НАТО и потенциала в области критически важных технологий. В условиях растущей цифровизации сферы безопасности обработка данных, искусственный интеллект, киберинфраструктура, космические системы и средства стратегической коммуникации входят в число ключевых элементов будущей архитектуры европейской безопасности. В этом отношении представленный в 2026 году план в сфере безопасности отражает более комплексный подход, направленный на укрепление не только экономических и нормативных инструментов Европейского союза, но и его технологического потенциала и возможностей в сфере безопасности.

Новый подход к безопасности, представленный фон дер Ляйен, отражает стремление Европейского союза выработать институциональный ответ на изменения в международной среде безопасности. Предлагаемый Протокол экстренного реагирования в сфере безопасности призван обеспечить более оперативную политическую координацию перед лицом угроз. Европейский совет безопасности предусматривает более широкие рамки сотрудничества в сфере безопасности, выходящие за пределы Европейского союза. Инструмент стратегического обеспечения, в свою очередь, направлен на укрепление технологической и логистической инфраструктуры, поддерживающей оборонный потенциал Европы.

Реализация этих предложений зависит от ряда политических, финансовых и институциональных условий. Прежде всего, государствам — членам ЕС необходимо достичь согласия относительно характера угроз и общих приоритетов в сфере безопасности. Для эффективного функционирования Протокола экстренного реагирования в сфере безопасности особенно важно установить чёткие критерии, определяющие ситуации, в которых он будет задействован. Что касается Европейского совета безопасности, потребуются чётко разграничить сферы его компетенции, функции и ответственность по отношению к НАТО и другим действующим структурам безопасности. Для успешной реализации Инструмента стратегического обеспечения определяющее значение будут иметь устойчивое финансирование, совместные закупки и осуществление государствами-членами необходимых инвестиций в развитие соответствующего потенциала. В ходе предшествующей подготовительной работы Комиссии также подчёркивалось, что укрепление потенциала Европы в сфере безопасности и готовности требует одновременного выполнения общих и национальных обязательств.

Поэтому практическая осуществимость данного плана зависит не только от политической воли, продемонстрированной Комиссией, но и от способности государств — членов ЕС совместно принимать решения и мобилизовывать необходимые ресурсы. Различия в национальных приоритетах в сфере безопасности, потребности в финансировании и распределение полномочий между действующими институтами могут стать основными трудностями в процессе реализации плана. В то же время разработка инициатив в соответствии с принципами и структурами НАТО, а также их осуществление в координации с существующими европейскими механизмами безопасности относятся к числу факторов, способных повысить их институциональную реализуемость. В этой связи особое значение имеет акцент Комиссии на обеспечении полной совместимости Инструмента стратегического обеспечения с НАТО.

В этом отношении поиск Европой нового подхода к безопасности представляет собой не столько завершённую архитектуру безопасности, сколько процесс институциональной трансформации, который планируется осуществлять поэтапно. В рамках этой трансформации понимание безопасности не ограничивается военным потенциалом, а охватывает также обработку данных, искусственный интеллект, киберинфраструктуру, космические системы и механизмы раннего предупреждения. Следовательно, новый подход свидетельствует о возрастающем значении технологического потенциала и процессов принятия решений на основе данных в обеспечении европейской безопасности. Превратится ли данный план в устойчивый потенциал безопасности, будет зависеть от способности поддерживать политический консенсус, обеспечивать финансовые ресурсы и сохранять межинституциональную координацию.

[i] European Commission, “2026 State of the Union Address by President von der Leyen”, 16 September 2026, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_26_1868, (Дата обращения: 21.09.2026).

ANKASAM АНАЛИЗ

Союзнические отношения США и Израиля в войне с Ираном

Başak ERTUNÇ

Стремление США и Ирана достичь нового соглашения об открытии Ормузского пролива и снятии морской блокады иранских портов, а также растущая обеспокоенность в Израиле в связи с этим процессом могут свидетельствовать о более глубокой трансформации союзнических отношений между США и Израилем. В то время как близкие к Трампу лица пытаются успокоить израильские круги, обеспокоенные возможным процессом достижения договорённости с Ираном, в израильском общественном мнении всё более заметными становятся вопросы относительно будущего американской поддержки.^[i]

Данная ситуация выявляет структурное напряжение между трансформацией определения роли США на Ближнем Востоке и идентичностью безопасности, на которой Израиль строил свою государственную стратегию на протяжении многих лет. Если рассматривать внешнюю политику государств через призму ролей, которые они приписывают себе, и того, как другие акторы признают эти роли, то в центре нынешней дискуссии находится не Иран, а вопросы о том, как США определяют самих себя и своих союзников и как сами союзники воспринимают это признание.

После окончания холодной войны Израиль позиционировал себя как ближайшего стратегического партнёра Вашингтона на Ближнем Востоке, ключевой элемент региональной архитектуры безопасности и балансирующего актора по отношению к Ирану. Эта роль не является исключительно результатом самоопределения Израиля; на протяжении многих лет она в значительной степени признавалась и поддерживалась Соединёнными Штатами. Однако роли, настолько тесно взаимосвязанные внутри системы, не могут поддерживаться в одностороннем порядке. Продолжение роли, которую государство приписывает самому себе, зависит от того, продолжают ли другие акторы признавать эту роль.^[ii] Именно поэтому стремление администрации Трампа найти основу для договорённости с Ираном с точки зрения Израиля может рассматриваться не только как изменение дипломатического выбора, но и как механизм, порождающий ролевой конфликт.

В то время как Израиль рассматривает себя как незаменимого стратегического партнёра США, Вашингтон всё чаще демонстрирует подход, основанный на расчётах затрат и выгод и переоценке своего регионального вовлечения. Это создаёт несоответствие между давно принятой Израилем ролью «регионального актора безопасности, обладающего безусловной поддержкой США» и «более транзакционным подходом к внешней политике», принятым администрацией Трампа. Иными словами, обеспокоенность Израиля в сфере безопасности обусловлена скорее изменением определения роли США, чем усилением Ирана.

Если рассматривать данную ситуацию с точки зрения подхода онтологической безопасности, следует отметить, что государства стремятся не только защитить себя от физических угроз, но и сохранить непрерывность своей идентичности и своего места в международной системе. Восприятие государствами безопасности часто определяется не столько имеющимся у них военным потенциалом, сколько тем, как они сами себя определяют и насколько предсказуемыми

являются отношения, которые они выстраивают с окружающими акторами.^[iii] В этом контексте нынешняя обеспокоенность Израиля обусловлена скорее тем, что отношения между США и Израилем больше не являются столь предсказуемыми, как прежде, чем военным потенциалом Ирана. Иными словами, руководство Тель-Авива сталкивается не столько с последствиями возможного соглашения с Ираном, сколько с вероятностью того, что США больше не воспринимают Израиль так, как прежде.

Подход Трампа, в свою очередь, формируется на основе логики, отличающейся от традиционных внешнеполитических рефлексов США. Для Трампа внешняя политика в значительной степени определяется не идеологическими обязательствами или исторической верностью союзническим отношениям, а балансом затрат и выгод. Поэтому контакты с Ираном не следует рассматривать исключительно как попытку ограничить его ядерную программу. С точки зрения Вашингтона, речь также идёт о снижении военной нагрузки на Ближнем Востоке, сдерживании региональной напряжённости и перенаправлении американских ресурсов в области, которые рассматриваются как более приоритетные.^[iv]

Особенно важным это становится в контексте трансформации глобальных стратегических приоритетов США. В последние годы определение Китая как системного соперника в документах внешней политики и стратегических оценках Вашингтона побуждает американских руководителей пересматривать долгосрочные и затратные обязательства на Ближнем Востоке. В этом контексте достижение определённого уровня договорённости с Ираном может рассматриваться не только как поиск региональной стабильности, но и как часть стратегии переноса внимания и ресурсов США в Индо-Тихоокеанский регион.

Однако рассматривать иранский вопрос исключительно через призму соперничества великих держав было бы недостаточно. За стремлением Вашингтона к договорённости с Тегераном стоит также более широкое экономическое измерение, которое можно определить как безопасность связности. Кризисы последних лет в районе Ормузского пролива и Баб-эль-Мандебского пролива продемонстрировали уязвимость глобальных потоков энергии и торговли. В особенности атаки в Красном море и давление на морские перевозки привели к существенным издержкам для глобальных цепочек поставок.^[v] Поэтому с точки зрения США Иран всё больше становится не угрозой, которую необходимо сдерживать, а актором, которым необходимо управлять с точки зрения обеспечения устойчивости глобальных экономических потоков.

Эта ситуация делает более заметным расхождение между приоритетами Израиля в сфере безопасности и глобальными приоритетами США. В то время как для Тель-Авива ограничение регионального влияния Ирана остаётся одной из основных целей, для Вашингтона более приоритетными могут становиться энергетическая безопасность, обеспечение свободы морских торговых путей, снижение глобального инфляционного давления и сохранение стратегических ресурсов для противостояния Китаю. Следовательно, расхождение между двумя странами не следует характеризовать исключительно как различие методов. Скорее, оно отражает различие в восприятии угроз и стратегических приоритетах.

На самом деле это развитие событий не является уникальным для Израиля. В современной международной системе, в которой многополярность становится всё более заметной, меняется и подход великих держав к своим союзникам. Если раньше гарантии безопасности основывались на более устойчивых и предсказуемых отношениях, то сегодня союзнические отношения всё чаще становятся предметом переговоров. Как показывают примеры Украины, Тайваня и стран Персидского залива, поддержка США всё в большей степени представляет собой не фиксированный механизм обеспечения безопасности, а инструмент, который переоценивается в соответствии с конкретными стратегическими расчётами. Если рассматривать израильский случай в совокупности с этими примерами, можно говорить о том, что подход США к своим союзникам претерпевает структурную трансформацию и сохраняется в той мере, в какой он соответствует глобальным стратегическим приоритетам.

В заключение следует отметить, что стремление Трампа к достижению договорённости с Ираном означает гораздо больше, чем просто кризис безопасности для Израиля. Это развитие событий показывает, что традиционное определение роли США на Ближнем Востоке претерпевает трансформацию и что в связи с этим союзные государства также вынуждены переосмысливать собственную идентичность. Обеспокоенность Израиля обусловлена скорее тем, что Вашингтон больше не определяет его роль так же, как прежде, чем усилением Ирана. Поэтому нынешняя дискуссия представляет собой не просто дипломатическое разногласие по иранскому вопросу, а часть более широкой трансформации, в рамках которой в меняющейся международной системе заново определяются понятия союзничества, гарантий безопасности и стратегического партнёрства.

[i] Alexander Cornwell ve Benjamin Raab, “Trump allies defend him to Israelis anxious over Iran deal”, Reuters, <https://www.reuters.com/business/media-telecom/trump-allies-defend-him-israelis-anxious-over-iran-deal-2026-06-22/>, (Дата обращения: 22.06.2026).

[ii] Sebastian Harnisch, “Conceptualizing in the Minefield: Role Theory and Foreign Policy Learning”, Foreign Policy Analysis, 8(1), 47–69, 2012, <http://www.jstor.org/stable/24909853>, ss.52.

[iii] Jennifer Mitzen, “Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma”, European Journal of International Relations, 12(3): 341–370, 2006, DOI: 10.1177/1354066106067346, ss.346.

[iv] “Trump veers toward exit in Iran war but risks loom”, Reuters, <https://www.reuters.com/world/us/trump-veers-toward-exit-iran-war-risks-loom-2026-06-15/>, (Дата обращения: 22.06.2026).

[v] “Hormuz reopening to release wave of oil supply, depress prices”, Reuters, <https://www.reuters.com/business/energy/hormuz-reopening-release-wave-oil-supply-depress-prices-2026-06-18/>, (Дата обращения: 22.06.2026).

ANKASAM АНАЛИЗ

Геополитика институционального доверия в конкуренции «серой зоны»

Kürşat İSMAYİL

Трансформация характера межгосударственной конкуренции, происходящая в последние годы, всё в большей степени ставит под сомнение традиционное разграничение между войной и миром. Кибератаки, дезинформационная деятельность, экономическое давление, диверсии, вмешательство в работу критической инфраструктуры и использование негосударственных акторов превратились в инструменты ограничения пространства для манёвра государств-соперников без прямого обращения к военному столкновению. В литературе по международной безопасности данное явление преимущественно рассматривается в рамках концепций «серой зоны» и «гибридных угроз».

Вместе с тем указанную трансформацию нельзя объяснить исключительно расширением спектра инструментов, используемых государствами. Более существенное изменение состоит в том, что внутриполитические и общественные уязвимости государства сами превращаются в непосредственный элемент международной конкуренции. Военный потенциал, экономическая мощь и географическое положение сохраняют своё значение, однако доверие к институтам, устойчивость информационной среды и восприятие легитимности политической системы обществом также становятся факторами, влияющими на внешнеполитические возможности государства.

С этой точки зрения одной из основных особенностей конкуренции в «серой зоне» является стремление не столько оккупировать территорию противника, сколько повысить издержки процесса принятия им решений. В случае открытого военного нападения, как правило, возможно с относительно высокой степенью определённости установить исполнителя, характер нападения и объект возможного ответного воздействия. В случае кибератак, диверсий или информационных операций проблема атрибуции значительно сложнее. Далеко не всегда можно оперативно определить, является ли авария на энергетическом объекте технической неисправностью или результатом диверсии, осуществлена ли кибератака непосредственно государством или через посредническую группу, а также является ли быстро распространяющийся в социальных сетях нарратив органическим или результатом координированной кампании.

Подобная неопределённость создаёт для атакующей стороны существенное стратегическое преимущество. Государство-цель вынуждено, с одной стороны, обеспечивать собственную безопасность, а с другой — учитывать риск эскалации напряжённости вследствие чрезмерной ответной реакции. Таким образом, деятельность в «серой зоне» способна создавать политический эффект, значительно превосходящий физический ущерб, нанесённый отдельными инцидентами.

В европейской среде безопасности в последние годы эта тенденция стала особенно заметной. НАТО указывает на использование Россией различных гибридных инструментов, включая диверсии, кибердеятельность, радиоэлектронное вмешательство, дезинформацию и попытки политического влияния. Тот факт, что в документах Альянса, посвящённых устойчивости, защита энергетических систем, транспортных сетей, телекоммуникационной инфраструктуры и цифровых систем рассматривается как непосредственная составляющая коллективной безопасности, также свидетельствует об изменении самого понимания безопасности.

Примечательно, что оборона при этом рассматривается уже не только через призму укрепления военного потенциала. Способность государств поддерживать основные услуги в кризисных условиях, сохранять функциональность государственных институтов и обеспечивать обществу постоянный доступ к достоверной информации также оценивается как часть национальной устойчивости. Следовательно, понятие безопасности приобретает более широкий смысл, чем простая защита государственных границ.

Африка представляет собой ещё одно важное пространство конкуренции, где схожие инструменты действуют в иных политических и исторических условиях. Борьбу за внешнее влияние на континенте недостаточно рассматривать исключительно как продолжение соперничества великих держав. Наследие колониализма, экономическая зависимость, различия в потенциале государственных институтов, проблемы безопасности и кризисы политического представительства непосредственно формируют локальную среду, в которой действуют внешние акторы.

Поэтому эффективность внешнего вмешательства зачастую зависит не столько от способности создавать новые общественные проблемы, сколько от умения использовать уже существующие уязвимости. Исследования Africa Center for Strategic Studies показывают, что в последние годы масштабы дезинформационных кампаний в Африке существенно выросли. Хотя особенно заметной является деятельность сетей, связанных с Россией, методы дезинформации также используются местными политическими акторами в ходе выборов и внутриполитической борьбы.

Следовательно, сводить проблемы африканской информационной среды исключительно к внешнему вмешательству было бы аналитически недостаточно. Одним из ключевых факторов, позволяющих внешним акторам оказывать влияние, является низкий уровень институционального доверия. Исследования Afrobarometer, проводимые по всему континенту, показывают, что во многих странах доверие к парламентам, политическому руководству, полиции и судебным институтам остаётся ограниченным. Экономическое неравенство, восприятие коррупции и проблемы государственного потенциала способны дополнительно углублять утрату доверия.

На этом этапе институциональное доверие перестаёт быть исключительно социологической переменной внутренней политики. Ослабление доверия общества к собственному государству, средствам массовой информации или избирательным процессам может создавать значительные возможности для внешних акторов в информационной сфере. Таким образом, связь между внутриполитической легитимностью и внешнеполитическими возможностями государства становится всё более очевидной.

При этом деятельность России и Китая в Африке не следует рассматривать в рамках одной и той же категории. В деятельности, связанной с Россией, более заметное место занимают дезинформация, отношения в сфере безопасности и сети политического влияния, тогда как китайский подход формируется преимущественно посредством более долгосрочных и институционализированных инструментов. Присутствие китайских средств массовой информации в Африке, соглашения об обмене контентом, программы подготовки журналистов и мероприятия в области публичной дипломатии увеличивают заметность Пекина в информационном пространстве континента.

Однако потенциал влияния и фактическое достижение влияния — не одно и то же. Местные медиакультуры, уровень политической конкуренции и общественное восприятие внешних акторов определяют, в какой степени нарративы, создаваемые извне, будут приняты обществом. Поэтому рассмотрение африканских обществ в качестве пассивных пространств, которыми внешние силы способны легко манипулировать, несёт риск игнорирования как локальной политической динамики, так и собственной субъектности общества.

Одной из важнейших переменных, отличающих современный период от предыдущих форм информационных операций, является распространение технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект не стал причиной появления пропаганды или дезинформации. Однако он существенно снижает стоимость производства контента и позволяет за короткое время создавать большие объёмы материалов на различных языках и для различных общественных групп.

В исследованиях Европейской службы внешних связей, посвящённых иностранному манипулированию информацией и вмешательству, отмечается растущая заметность контента, создаваемого с использованием искусственного интеллекта. Синтетические изображения, технологии искусственной генерации голоса и автоматизированные системы создания текстов расширяют масштабы информационных операций и одновременно усложняют их выявление.

Основная проблема заключается здесь не только в распространении ложной информации. Одновременное распространение большого числа противоречивых нарративов способно также подрывать общественное представление о том, каким источникам информации можно доверять. Поэтому эффективность информационных операций не всегда следует измерять тем, удалось ли убедить общество в конкретном нарративе. Ситуация, при которой люди перестают доверять каким-либо источникам информации вообще, также может иметь существенное стратегическое значение.

Эта тенденция показывает, почему институциональное доверие занимает всё более центральное место в конкуренции «серой зоны». Постоянное разрушение доверия общества к государственным институтам или основным источникам информации может влиять не только на внутриполитическую легитимность правительства, но и на его способность реализовывать внешнеполитические решения. Многие решения в области внешней политики — от соглашений в сфере безопасности и экономической политики до международных санкций и военного сотрудничества — требуют определённого уровня общественной поддержки внутри страны.

В то же время наличие угроз дезинформации и внешнего вмешательства не должно легитимизировать практику, при которой правительства рассматривают любую критику как результат операций иностранного влияния. Такой подход может в краткосрочной перспективе усилить политический контроль, однако в долгосрочном плане способен нанести ущерб именно тому институциональному доверию, которое предполагается защищать. Исследования ОЭСР по вопросам информационной целостности также показывают, что прозрачная государственная коммуникация, независимые СМИ, плюралистическая информационная среда и подотчётные институты являются ключевыми элементами общественной устойчивости перед лицом дезинформации.

Следовательно, стратегия противодействия конкуренции в «серой зоне» должна включать два измерения. Первое предполагает защиту критической инфраструктуры, укрепление киберобороны, выявление диверсионных сетей и обнаружение внешних информационных операций. Второе требует укрепления отношений доверия между государством и обществом.

В конечном счёте в условиях безопасности XXI века само понятие силы приобретает более широкое содержание. Военный потенциал, экономические ресурсы и стратегическая география сохраняют своё значение для государств. Однако общественная устойчивость и институциональное доверие также становятся фундаментальными элементами способности противостоять внешнему давлению.

Поэтому определяющим вопросом будущего конкуренции в «серой зоне» будет не только то, какие государства обладают более развитыми киберинструментами или более масштабными возможностями проведения информационных операций. Основным вопросом заключается в том, какие государства смогут в условиях внешнего давления сохранять легитимность своих институтов, надёжность информационной среды и отношения доверия между государством и обществом. В этом смысле институциональное доверие превращается не только в нормативную ценность демократических систем, но и в геополитический ресурс, непосредственно определяющий стратегическое пространство для манёвра государства.

ANKASAM АНАЛИЗ

Индийско-узбекское всеобъемлющее стратегическое партнёрство

Banu YAKUBOVA

29–30 августа 2026 года премьер-министр Индии Нарендра Моди провёл встречу с Президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым, в ходе которой отношения между двумя странами были повышены до уровня Всеобъемлющего стратегического партнёрства. В рамках переговоров стороны поставили цель увеличить ежегодный объём двусторонней торговли до пяти миллиардов долларов к 2030 году, а также договорились углублять сотрудничество в различных сферах, включая оборону и критически важные полезные ископаемые. Кроме того, было принято решение о создании нового механизма на уровне министров иностранных дел в целях координации двустороннего сотрудничества на высоком уровне и контроля за реализацией достигнутых договорённостей.^[i] Данный механизм отражает стремление сторон перевести достигнутую политическую волю в институциональную плоскость, реализовать запланированные проекты и направления сотрудничества, а также сформировать более устойчивое и долгосрочное партнёрство.

Процесс институционализации и углубления индийско-узбекских отношений восходит к 2011 году. В частности, в том же году, в ходе государственного визита Президента Узбекистана Ислама Каримова в Нью-Дели, отношения между двумя странами были повышены до уровня Стратегического партнёрства. В рамках визита также был подписан ряд документов, предусматривающих расширение экономического и инвестиционного сотрудничества в различных сферах, включая топливно-энергетический комплекс, информационные технологии, текстильную промышленность, фармацевтику, банковское дело и торговлю.^[ii]

В этот период отношения Индии со странами Центральной Азии начали выходить за рамки двустороннего взаимодействия с Узбекистаном и приобретать более комплексный и институционализированный характер на региональном уровне. Так, 12 июня 2012 года была реализована политика Индии «Connect Central Asia», основанная на видении проактивного развития политических, экономических и гуманитарных связей со странами Центральной Азии как на двустороннем, так и на региональном уровнях.^[iii] Ещё одним важным шагом с точки зрения институционализации данного процесса стало проведение в 2019 году в Самарканде первого Диалога «Индия – Центральная Азия». Первый саммит «Индия – Центральная Азия», состоявшийся в 2022 году, вывел контакты между сторонами на уровень глав государств и продемонстрировал политическую волю к формированию всеобъемлющего и долгосрочного партнёрства.^[iv]

Все эти события свидетельствуют о том, что подход Индии к Центральной Азии основывается на двуединой стратегии, одновременно реализуемой на двустороннем и региональном уровнях. В этом контексте Нью-Дели, с одной стороны, развивает двусторонние отношения и партнёрства со странами региона, а с другой — углубляет сотрудничество посредством региональных механизмов, охватывающих Центральную Азию в целом. Стабильный и поэтапный характер данного подхода позволяет рассматривать повышение индийско-узбекских отношений до уровня Всеобъемлющего стратегического партнёрства как часть более широкого и долгосрочного процесса сближения.

Ещё одним значимым элементом данного процесса является непрерывность диалога. Визиты на высоком уровне, регулярные механизмы диалога и саммиты свидетельствуют о том, какое значение Индия придаёт обеспечению устойчивого характера коммуникации и сотрудничества со странами Центральной Азии.

В этой связи представляется важным рассмотреть ключевые факторы, лежащие в основе стремления Индии углублять отношения с Центральной Азией.

Прежде всего, Центральная Азия, являясь не только мостом, связывающим различные части Евразии, но и важным геоэкономическим центром благодаря своим значительным запасам нефти, природного газа, урана и гидроэнергетическим ресурсам, обладает стратегической значимостью. Данные ресурсы могут способствовать диверсификации энергетических поставок в Индию. Регион также имеет стратегическое значение вследствие угроз безопасности, исходящих из Афганистана, отсутствия у Индии прямого сухопутного доступа к Центральной Азии и необходимости использования альтернативных маршрутов сообщения. Кроме того, усиление присутствия Индии в регионе позволяет Нью-Дели развивать региональные партнёрства посредством многосторонних платформ, таких как Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СИМДА) и Шанхайская организация сотрудничества.^[v]

В рамках данного многопланового подхода Индии к Центральной Азии отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, почему Узбекистан занимает более заметное положение.

Прежде всего, центральное географическое положение Узбекистана в Центральной Азии, его значительная численность населения и важность с точки зрения межрегиональных транспортно-коммуникационных маршрутов превращают страну в важного партнёра Индии в реализации её целей в сфере региональной взаимосвязанности. Кроме того, переход Ташкента с 2016 года к более открытой и ориентированной на региональное сотрудничество внешней политике создал благоприятную основу для развития отношений с Индией. Совпадение интересов двух стран в таких сферах, как взаимосвязанность, борьба с терроризмом, энергетика и торговля, особенно в контексте региональных опасений в сфере безопасности, связанных с Афганистаном, ещё больше повышает значение двусторонних отношений.^[vi]

Вместе с тем оценивать данное сближение исключительно через призму региональных интересов Индии было бы недостаточно. Подход стран региона, и в особенности Узбекистана, к развитию сотрудничества с Нью-Дели также играет важную роль в развитии отношений между Индией и Центральной Азией.

С точки зрения Центральной Азии развитие отношений с Индией создаёт значительные возможности для диверсификации внешних партнёрств. Кроме того, потенциал Индии в таких сферах, как здравоохранение, высшее образование, информационные технологии и инженерное дело, соответствует растущим потребностям стран Центральной Азии. Культурные и гуманитарные связи, формирующиеся посредством Болливуда, образовательных возможностей и таких инициатив, как Индийская программа технического и экономического сотрудничества (ИТЕС), также способствуют восприятию Индии как более знакомого и доступного партнёра в регионе.^[vii] В совокупности эти факторы позволяют утверждать, что Индия выступает для Центральной Азии не только в качестве партнёра, способствующего диверсификации внешних связей, но и в качестве взаимодополняющего партнёра, способного внести вклад в национальное развитие и наращивание потенциала.

С точки зрения Узбекистана Индия рассматривается как надёжный и перспективный стратегический партнёр. Так, в ходе визита Нарендры Моди в Узбекистан 30 августа 2026 года особое внимание было уделено достижениям Индии в таких сферах, как цифровые технологии, разработка программного обеспечения и предпринимательство, что свидетельствует о заинтересованности Ташкента в развитии взаимовыгодного сотрудничества в данных направлениях. Стремление расширить сотрудничество в различных сферах, включая энергетику, критически важные полезные ископаемые, здравоохранение и сельское хозяйство, а также деятельность четырёх индийских университетов в Узбекистане,^[viii] демонстрируют многоплановый характер отношений между двумя странами. С этой точки зрения повышение отношений до уровня Всеобъемлющего стратегического партнёрства представляет собой не просто дипломатическое изменение статуса, а перевод уже существующего сотрудничества в различных сферах в более всеобъемлющую и институционализированную рамочную структуру.

Продвижение и успешная реализация Всеобъемлющего стратегического партнёрства будут зависеть от того, в какой степени достигнутые договорённости будут воплощены в практической плоскости и насколько сторонам удастся преодолеть существующие структурные ограничения. В данном контексте двумя ключевыми ограничениями выступают текущий уровень двусторонней торговли и проблема взаимосвязанности. Объём торговли между Индией и Узбекистаном в первой половине 2026 года составил 598,1 млн долларов,^[ix] что свидетельствует о необходимости существенного прогресса в предстоящий период для достижения установленной на 2030 год цели в пять миллиардов долларов. Одним из основных факторов, способных затруднить достижение данной цели, является проблема взаимосвязанности. Отсутствие у Индии прямого сухопутного доступа к Центральной Азии представляет собой фундаментальное структурное ограничение. Хотя порт Чабахар и Международный транспортный коридор «Север – Юг» (INSTC) предлагают альтернативные варианты, зависимость Индии от транзитной инфраструктуры Ирана создаёт уязвимости перед лицом санкций и региональной нестабильности.^[x]

В заключение следует отметить, что индийско-узбекские отношения и, в более широком смысле, сотрудничество между Индией и Центральной Азией на протяжении последних лет приобрели многоплановый характер. Учитывая решимость сторон и далее развивать двусторонние отношения, можно утверждать, что Узбекистан способен сыграть значимую роль в формировании будущего отношений между Индией и Центральной Азией. При условии преодоления существующих структурных ограничений и сохранения устойчивого диалога дальнейшее развитие сотрудничества между Индией и Центральной Азией может открыть новые возможности для более широкого регионального взаимодействия.

[i]. “India-Uzbekistan ties go comprehensive as Modi, Mirziyoyev set \$5 billion trade goal”, The Economic Times, <https://shorturl.at/tAlbH>, (Дата обращения: 12.09.2026).

[ii]. Anvar Umarov, “Uzbekistan and India establish strategic partnership”, Uz Daily, <https://www.uzdaily.uz/en/uzbekistan-and-india-establish-strategic-partnership/>, (Дата обращения: 12.09.2026).

[iii]. “Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue”, Ministry of External Affairs, Government of India, <https://www.mea.gov.in/speeches-statements?dtl/19791/>, (Дата обращения: 12.09.2026).

[iv]. Ayusha Saini, “Decadal Review of India-Central Asia Relations: Assessing Strategic Intent and Structural Constraints”, Chintan Research Foundation, <https://www.crfindia.org/publications/research-article/decadal-review-of-india-central-asia-relations-assessing-strategic-intent-and-structural-constraints>, (Дата обращения: 12.09.2026).

[v] Там же.

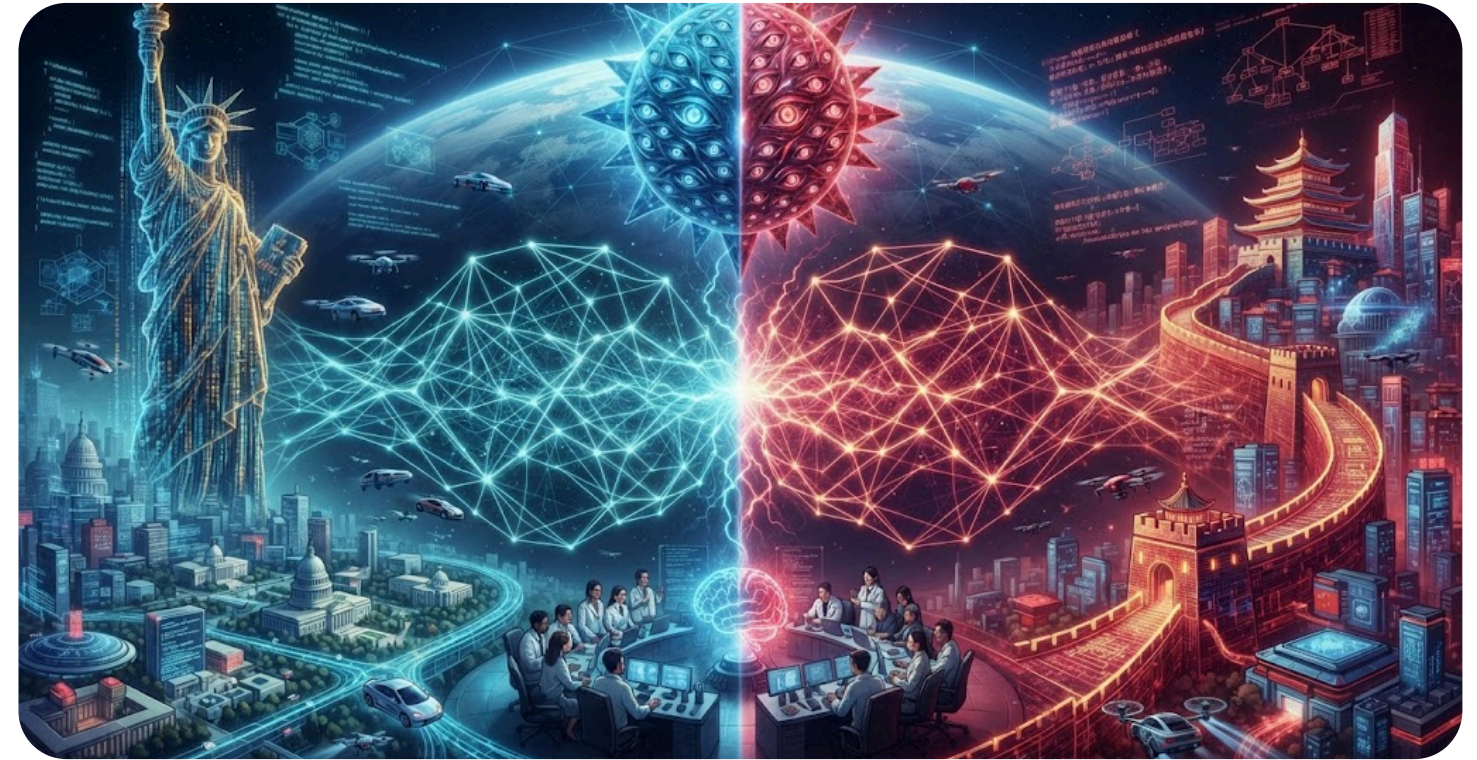
[vi]. Rajershi Dharmendra, “Strategic Pivot Westward: The Importance of Uzbekistan From The Lens of Indian Foreign Policy”, EPRA International Journal of Multidisciplinary Research, <https://eprapublishing.org/IJMR/strategic-pivot-westward-the-importance-of-uzbekistan-from-the-lens-of-indian-foreign-policy/20285>, (Дата обращения: 13.09.2026).

[vii]. Ayusha Saini, a.g.m.

[viii]. “Leaders of Uzbekistan and India outline outcomes of talks”, President of the Republic of Uzbekistan, <https://president.uz/en/lists/view/9553>, (Дата обращения: 13.09.2026).

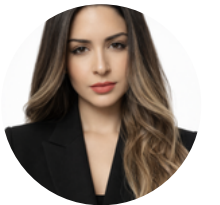
[ix]. “Uzbekistan-India Cooperation in Figures”, National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan, <https://stat.uz/en/press-center/news-of-committee/69973-zbekiston-va-indiston-amkorligi-ra-amlarda-4>, (Дата обращения: 13.09.2026).

[x]. Ayusha Saini, указ. соч.

ANKASAM АНАЛИЗ

Кризис дистилляции знаний в американо-китайской конкуренции в сфере искусственного интеллекта

Zeynep Çağla ERİN

Экспоненциальное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) инициировало структурную трансформацию, коренным образом изменившую распределение сил в международной системе XXI века, геостратегические расчёты государств и ключевые параметры глобальной политической экономии. Колоссальный рост вычислительных мощностей, прорывы в области алгоритмов обработки данных и расширение возможностей моделей машинного обучения в сфере автономного принятия решений превратили ИИ из области коммерческих инноваций в один из центральных элементов национальной безопасности и военно-стратегического сдерживания. В этом контексте продолжающееся соперничество за гегемонию между двумя ключевыми акторами глобальной системы Соединёнными Штатами Америки (США) и Китайской Народной Республикой (КНР) перешло на новый и бескомпромиссный уровень конкуренции, определяемый борьбой за разработку, развитие, контроль над технологиями ИИ и управление соответствующими цепочками поставок. Динамика противостояния между двумя государствами представляет собой наиболее современное и конкретное проявление дилеммы безопасности, предсказанной классической реалистической парадигмой и перенесённой в сферу киберпространства и передовых технологий.^[1]

США в период от окончания Второй мировой войны до настоящего времени сохраняли статус эпицентра технологических инноваций благодаря развитой институциональной инфраструктуре, масштабным исследовательским бюджетам и кластерным моделям развития, таким как Кремниевая долина. В контексте Теории гегемонистской стабильности США рассматривают технологическое превосходство как основу как экономического благосостояния, так и военно-стратегического сдерживания. Китай, в свою очередь, посредством масштабных геоэкономических проектов, основанных на государственном капитализме, таких как инициатива «Сделано в Китае 2025» и, в особенности, «План развития искусственного интеллекта нового поколения», объявленный в 2017 году, превратил задачу превращения страны в глобальный центр инноваций в сфере ИИ к 2030 году в одно из приоритетных направлений государственной политики. Агрессивное усиление позиций Китая было воспринято американскими политическими деятелями как экзистенциальная угроза технологической гегемонии США и, следовательно, национальной безопасности страны.^[2]

Это восприятие угрозы создало основу для политики «технологического развода» между США и Китаем, начавшейся при администрации Дональда Трампа и институционализированной в период президентства Джо Байдена. Центральное место в данной стратегии занимает доктрина «маленький двор, высокий забор» (small yard, high fence). Эта доктрина включает комплекс экспортных ограничений и санкционных мер, направленных на ограничение доступа Китая к критически важным технологиям, прежде всего к передовым полупроводникам и чипам, имеющим жизненно важное значение для обучения моделей ИИ, а также к оборудованию для производства микросхем. Использование цепочек поставок полупроводников в качестве инструмента давления стало одним из основных геоэкономических механизмов, посредством которых США стремятся замедлить темпы развития китайского ИИ, предотвратить технологический рывок Пекина и создать аппаратный дефицит, способный привести конкурента к асимметричному стратегическому неблагоприятному положению.

В условиях аппаратного эмбарго Китай был вынужден использовать преимущества своего огромного внутреннего рынка, финансируемых государством научно-исследовательских разработок и высокой способности к сбору данных для изолированного расширения отечественной инновационной экосистемы. Однако обучение передовых моделей ИИ требует колоссальных вычислительных мощностей и, следовательно, сотен тысяч современных графических процессоров (GPU), в связи с чем в краткосрочной перспективе Китай не смог полностью компенсировать дефицит соответствующего оборудования за счёт внутреннего производства. Это структурное ограничение подтолкнуло китайские технологические компании и исследовательские лаборатории в сфере ИИ к использованию альтернативных и асимметричных программных стратегий, позволяющих минимизировать аппаратные издержки. В этом контексте техника, известная как «дистилляция знаний» (knowledge distillation), вышла за рамки обычного метода машинного обучения и оказалась в центре геополитического кризиса.

Дистилляция знаний в инженерии искусственного интеллекта представляет собой процесс переноса алгоритмических возможностей, логических механизмов рассуждения и накопленных знаний так называемой учительской модели, обладающей миллиардами параметров, обученной на больших массивах данных и требующей чрезвычайно высоких затрат на эксплуатацию, в значительно меньшую, более дешёвую и быстродействующую ученическую модель. Например, в качестве учительской модели могут выступать ChatGPT-4 или Claude 3. На техническом уровне данный процесс основан на обучении ученической модели таким образом, чтобы она имитировала выходные данные учительской модели. Этот метод широко используется в академической и коммерческой среде с целью повышения эффективности моделей ИИ. Однако основой кризиса является не сама технология, а характер, масштаб её применения и лежащий за ней стратегический замысел.^[iv] Фактическое начало кризиса было обозначено 8 сентября 2026 года совместным отчётом по кибербезопасности (AA26-251A), опубликованным Агентством США по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (CISA), Агентством национальной безопасности (NSA) и Федеральным бюро расследований (FBI). В отчёте утверждается, что китайские компании в сфере ИИ проводят «кампании промышленного масштаба по дистилляции» против передовых моделей американских компаний в области искусственного интеллекта, в результате чего проблема была непосредственно переведена в категорию угроз национальной безопасности. Согласно оценкам американских разведывательных структур, компании, действующие при поддержке китайского правительства, рассматривают дистилляцию не просто как вспомогательный механизм, а как основу всей своей стратегии развития ИИ. Данная практика была охарактеризована как систематическая и промышленномасштабная эксплуатация интеллектуальной собственности США.^[v]

В опубликованном американском отчёте упомянуты такие компании, как DeepSeek, Moonshot AI, Alibaba, MiniMax, StepFun и Z.AI. Согласно представленным утверждениям, эти компании извлекали данные объёмом в миллиарды токенов из систем американских компаний посредством миллионов фиктивных API-запросов. Отмечается также, что китайские акторы создавали так называемые сети API-прокси серого рынка, именуемые transfer stations, с целью обхода установленных американскими компаниями географических ограничений и условий предоставления услуг. Для предотвращения обнаружения использовались методы сокрытия цифровой идентичности. Подчёркивается, что DeepSeek для обучения собственных моделей R1 и V3 копировала способности к рассуждению таких моделей, как GPT-4 и Claude, что позволило искусственным образом сократить стоимость обучения моделей до уровня нескольких миллионов долларов. Эксперты интерпретируют эту стратегию как попытку Китая нейтрализовать последствия аппаратного эмбарго посредством программного копирования. От моделей Qwen компании Alibaba до различных моделей для программирования и аналитики, разработанных MiniMax и StepFun, данный процесс с американской точки зрения рассматривается как явное нарушение авторских прав и как посягательство на технологическое превосходство, созданное благодаря многолетним инвестициям в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. В отчёте CISA утверждается, что китайские компании аккумулируют наиболее сильные характеристики американских моделей и используют их для совершенствования собственных систем, тем самым существенно ускоряя сроки разработки ИИ. Среди предлагаемых мер противодействия называются разработка алгоритмов для выявления подозрительных запросов на дистилляцию, обмен разведывательной информацией между компаниями в сфере ИИ, а также предоставление ботам, пытающимся получить несанкционированный доступ к системам, вводящих в заблуждение и ложных ответов, способных нарушить архитектуру китайских моделей. Эти рекомендации свидетельствуют о том, что война в сфере ИИ больше не ограничивается исключительно аппаратным соревнованием и постепенно превращается в сложный конфликт, в котором используются стратегии отравления данных и киберобмана.

Дипломатическая и дискурсивная реакция Китая на выдвинутые обвинения представляет собой классический пример использования государствами инструментов легитимации на международной арене. Министерство коммерции КНР в официальном заявлении от 10 сентября 2026 года полностью отвергло обвинения США, назвав их «необоснованными», «лишёнными юридических оснований» и «отражением гегемонистского высокомерия».^[vi]

В центре аргументации китайской стороны находится концепция политизации. Китайская сторона утверждает, что процесс дистилляции знаний является нейтральной научной практикой, широко применяемой всеми участниками глобальной экосистемы ИИ и являющейся естественной частью культуры открытого исходного кода. В этой связи Пекин обвиняет США в превращении технического процесса в политический инструмент. Китайские представители также указывают, что западные и особенно американские компании в прошлом и в настоящее время активно используют дистилляцию применительно к моделям китайского происхождения с открытым исходным кодом, включая открытые модели Alibaba, обвиняя администрацию Вашингтона в лицемерии и применении двойных стандартов.

Согласно внешнеполитическому дискурсу Китая, истинной целью нынешней позиции США является не защита прав интеллектуальной собственности, а сохранение монополии на вычислительные мощности и данные в сфере ИИ, препятствующее участию восходящих держав в глобальном инновационном соревновании на равных условиях. Этот дискурс служит формированию образа Китая как актора, защищающего право Глобального Юга на технологическое развитие, тогда как США посредством соответствующего риторического конструирования позиционируются как эгоистическая технологическая империалистическая держава.

Акцент на инклюзивном обмене, содержащийся в заявлении представителя Министерства коммерции, а также критика действий США по ограничению подобного обмена указывают на глубокое философское расхождение относительно природы международных технологических режимов. США, стремясь защищать инновации, секьюритизируют сферу посредством жёсткого регулирования авторских прав, защиты данных и закрытых систем, тогда как Китай, выступая за развитие открытого исходного кода и свободу обращения данных на международном уровне, стремится посредством этой позиции укрепить собственную легитимность.

Заявление Китая также содержит недвусмысленную угрозу принятия решительных ответных мер в случае введения США новых санкций под предлогом борьбы с деятельностью по дистилляции. Это сохраняет вероятность перерастания геэкономической напряжённости в полномасштабную торговую войну. Обвинение китайских компаний в сфере ИИ со стороны США в «промышленном шпионаже» представляет собой типичную исключаящую реакцию, которую исторически демонстрировали гегемонические державы в периоды своего относительного упадка по отношению к восходящим конкурентам. Аналогичным образом, в XIX веке стремление Великобритании защищать свои промышленные секреты преодолевалось различными способами со стороны развивающейся промышленности США. Сегодня США возводят аналогичные барьеры для защиты собственных технологических секретов, тогда как Китай использует серые зоны киберпространства для их обхода.

Как показывает кризис дистилляции, универсального определения того, что является легитимным научным исследованием, а что кибернетической кражей, не существует. США проводят эту границу жёстко, исходя из собственных интересов национальной безопасности, тогда как Китай придерживается более гибкой интерпретации. Обсуждения глобального управления ИИ, проводимые на таких площадках, как Организация Объединённых Наций (ООН) и Международный союз электросвязи (МСЭ), сталкиваются с блокированием именно вследствие подобных двусторонних кризисов, что приводит процесс формирования международных норм к тупику. США осознают, что не способны урегулировать дилемму безопасности в сфере ИИ исключительно в пределах собственных границ. По этой причине Вашингтон оказывает давление на таких ключевых союзников, как Европейский союз (ЕС), Япония, Республика Корея и Великобритания, добиваясь их соответствия установленным США режимам экспортного контроля технологий и стандартам безопасности ИИ. Акцент в отчёте CISA на эффективном обмене информацией и разведывательными данными с союзными государствами служит явным свидетельством осуществления Вашингтоном глобальной стратегии технологического сдерживания Китая. Подобное развитие событий вынуждает таких акторов, как ЕС, стремящийся к стратегической автономии, делать дорогостоящий выбор между экономическими интересами и обязательствами в сфере безопасности, тем самым усиливая поляризацию международной системы.

Новый аспект проблемы кибербезопасности представляет собой отражение дилеммы безопасности в военной сфере. Искусственный интеллект сегодня является ключевым двигателем автономных систем вооружений, разведывательного анализа, доктрин кибервойны и механизмов принятия стратегических решений. За действиями США против китайских компаний в сфере ИИ стоят не только коммерческие соображения, но и глубокие опасения относительно технологических преимуществ, которые данные гражданские компании могут предоставить Народно-освободительной армии Китая. Таким образом, начавшийся как кризис дистилляции знаний процесс приобретает характер своеобразной репетиции асимметричной войны, в рамках которой государства взаимно проверяют возможности нанесения ущерба киберинфраструктурам друг друга.

Ещё одним структурным последствием кризиса является философская трансформация самой природы исследований в области ИИ. Кумулятивное развитие научного знания исторически было возможно благодаря взаимному влиянию идей, теорий и методов. Текущий этап американо-китайского соперничества стремится очертить настолько жёсткие границы вокруг собственности на цифровое знание, что это может замедлить темпы эволюции искусственного интеллекта. Рост технологического национализма ставит потенциал ИИ, способный использоваться для решения глобальных проблем, изменения климата, пандемий и энергетических кризисов, в зависимость от геополитических амбиций государств. Инструментализация взаимозависимости обеими державами в долгосрочной перспективе способна сформировать игру с нулевой суммой, подрывающую глобальное общественное благо.

Таким образом, США стремятся сохранить технологическое лидерство посредством защиты границ созданной ими экосистемы при помощи механизмов отравления данных и киберзащитных барьеров, тогда как Китай, стремясь обойти эмбарго, сократить технологический разрыв и подтвердить собственный статус глобальной державы, не отказывается от использования любых асимметричных инструментов, включая дистилляцию знаний. В условиях анархичной международной системы, предсказанной реалистической теорией, борьба двух держав за доминирование в сфере ИИ движется не к компромиссу, а к углублению технологического раскола и дальнейшей «балканизации» киберпространства. Существующие каналы дипломатического диалога оказываются недостаточными для устранения структурного недоверия, тогда как технологии сохраняют центральное место в качестве одного из наиболее разрушительных инструментов, формирующих архитектуру международной безопасности.

^[iv] “China-Based Artificial Intelligence Companies Conducting Industrial-Scale Distillation Campaigns Against U.S. AI Companies”, America’s Cyber Defense Agency, <https://www.cisa.gov/news-events/cybersecurity-advisories/aa26-251a>, (Дата обращения: 10.09.2026).

^[v] “China firmly opposes US groundless allegations on Chinese AI firms: Commerce Ministry”, CGTN, <https://news.cgtn.com/news/2026-09-10/China-firmly-opposes-US-groundless-allegations-on-Chinese-AI-firms-1QjRIbuEu6k/p.html>, (Дата обращения: 10.09.2026).

^[vi] “In Depth: AI Distillation in China Leaves U.S. Tech Giants at Odds”, Caixin Global, <https://www.caixinglobal.com/2026-09-10/in-depth-ai-distillation-in-china-leaves-us-tech-giants-at-odds-102483506.html>, (Дата обращения: 10.09.2026).

^[vii] “U.S. Joint Advisory on Chinese AI Model Extraction”, Cyber Defense Magazine, <https://www.cyberdefensemagazine.com/u-s-joint-advisory-on-chinese-ai-model-extraction/>, (Дата обращения: 10.09.2026).

^[viii] “Countermeasures warned over US actions on AI”, China Daily, <https://www.chinadaily.com.cn/a/202609/10/WS6aa1eda6e4b06d4aa055d361.html>, (Дата обращения: 10.09.2026).

ANKASAM АНАЛИЗ

Трёхмерная «Проблема Запада» и тектонические разломы глобального порядка

**Prof. Dr. Mehmet Seyfettin
EROL**

Международная система столкнулась не просто со сменой гегемонического лидерства, а со структурным кризисом идентичности и геополитического существования. Современная глобальная неопределённость, угрозы, риски, кризисы и сценарии нестабильности зачастую рассматриваются в редукционистском ключе исключительно через призму американо-китайского соперничества. Однако в центре глобальной турбулентности находится то, что в своих предыдущих исследованиях я также обозначал как «Проблему Запада». «Проблема Запада» связана с внутренним разложением силы, находящейся в центре системы, фрагментацией лидерства, структурной раздробленностью и невротической тенденцией к возвращению к собственным историческим кодам. Иными словами, подлинным генератором системного кризиса является не неудержимый подъём Востока, а собственный онтологический, политический и геостратегический кризис Запада.

Ситуация, с которой мы сталкиваемся сегодня, формируется в треугольнике, образованном внутренней борьбой за лидерство, углубляющимися идентичностными расколами и «Порядком управляемого хаоса», порождённым рефлексом отказа от передачи гегемонической власти. Действительно, современный мир обсуждает, переживёт ли трансатлантический альянс коллективное восстановление или же окажется поглощённым созданным им самим «Порядком хаоса». В этом контексте «Проблема Запада» кристаллизуется в трёх основных измерениях: внутренняя борьба за лидерство, идеологически-структурная раздробленность и гегемоническое сопротивление Востоку.

Новые битвы за лидерство в трансатлантической матрице и повторение истории

Консолидация силы внутри Запада исторически никогда не представляла собой однородной структуры. История показывает Первую и Вторую мировые войны как проявления ориентированной на Германию «Проблемы Запада». Сегодня, по-видимому, пробуждается аналогичная геополитическая генетика. Берлин на протяжении длительного времени превращал Европейский союз в главный инструмент своей «Политики на Запад» и стремился к стратегической автономии от США, а в определённый момент — даже к лидерству Запада. Одновременно в рамках своей «Политики на Восток» он проводил балансирующую линию, центральное место в которой занимала Россия. Однако процесс, начавшийся с войны на Украине, сломал эту стратегию не в пользу Берлина и вновь поставил Германию в положение стратегической стеснённости.

Лондон, в свою очередь, переживший после Brexit резкий геополитический поворот, увидел слабости континентальной Европы и совершил решительное возвращение к англосаксонской оси. Иными словами, Великобритания, используя состояние стратегического паралича континентальной Европы, вновь позиционирует себя в качестве глобальной оси. В этом контексте Великобритания проводит более динамичную, менее затратную и более агрессивную стратегию «минилатерализма» посредством таких структур, как AUKUS, противопоставляя её институциональной неповоротливости ЕС. Это переносит борьбу за лидерство внутри Запада с германо-французской оси на конкуренцию между англосаксонским и континентально-европейским направлениями. Более конкретно, это обостряет борьбу за лидерство внутри Запада между традиционным англосаксонским альянсом (США — Великобритания) и континентальной Европой (Германия — Франция).

Разделение лидерства в трансатлантической матрице, несомненно, парализует способность коллективного Запада выработать общую стратегию в кризисные моменты. Стремясь сохранить глобальную гегемонию, Запад не способен создать внутри себя однородную архитектуру лидерства; это, в свою очередь, втягивает систему в спираль «многоголовой анархии». Согласно прогнозам на будущее, разрыв между агрессивным минилатерализмом Великобритании и неповоротливой континентальной гегемонией Германии будет ещё больше увеличиваться. Это приведёт к окончательному краху моноцентричной структуры трансатлантической архитектуры альянса и её распаду на множество конкурирующих между собой региональных подсистем безопасности.

Идеологическая раздробленность и риск возвращения Европы к своим историческим кодам

Вторым и наиболее опасным измерением «Проблемы Запада» являются углубляющиеся структурные трещины между США, Великобританией и ЕС. Иными словами, речь идёт о распаде либерально-демократического консенсуса и идеологической геттоизации Запада изнутри. Сегодня перед нами не целостный Запад, а хрупкие структуры, разделённые на США, Великобританию и ЕС и одновременно испытывающие внутренние потрясения под воздействием течений микронационализма.

Наиболее опасным аспектом этого раскола является регресс на уровне ценностей, который можно назвать «геополитическим расколом постпросветительской эпохи». Следовательно, речь идёт не просто об «экономическом» или «военном» расхождении, а о расколе по «философской», «идеологической» и «ценностной» линиям. В то время как между англосаксонской и континентально-европейской осями формируется глубокий философский разрыв, рост крайне правых сил, ксенофобии и неомеркантилистских тенденций по всей Европе свидетельствует о том, что континент стремительно отдаляется от ценностей Просвещения. Этот риск «внутренней милитаризации» не ограничивается лишь успехами на выборах, но также способствует смещению правоохранительных органов и военных структур в сторону национально-государственных рефлексов.

Таким образом, Европа находится на пороге невротического возвращения к тенденциям раздробленности, существовавшим в её исторических кодах до Вестфальской системы, и к периодам внутренних конфликтов. Наряду с социально-политическим расколом, усиливаемым ростом крайне правых сил внутри ЕС, инициатива Германии *Zeitenwende* создаёт глубокое военно-промышленное разделение. Масштабное увеличение Берлином оборонного бюджета напрямую угрожает традиционному лидерству Парижа в вопросе «европейской стратегической автономии». В то время как Франция выступает за концентрацию внимания на совместных проектах европейского производства, Германия, ссылаясь на насущные потребности, отдаёт предпочтение американским самолётам F-35 и системам Patriot, тем самым укрепляя трансатлантическую связь. Это делает франко-германский раскол в оборонной промышленности ЕС устойчивым и превращает идею создания единой европейской армии в практически невозможную.

Философское и институциональное разложение Европы превращает континент из глобального центра силы в зону геополитического разлома. В этом контексте представляется вполне обоснованным прогноз, согласно которому углубление франко-германского раскола в сфере обороны сделает ЕС военно нефункциональным, а микронационалистическая волна, подпитываемая ростом крайне правых сил, в ближайшем будущем может подтолкнуть континент к порогу общественных процессов, характерных для гражданской войны, помимо трансграничных институциональных конфликтов и даже «бескровного распада». Иными словами, нельзя полностью исключать риск трансформации ситуации в гибридные внутренние конфликты, вызванные социальной поляризацией, или даже в новую «Европейскую гражданскую войну», в которой национальные государства будут конкурировать друг с другом.

Гегемоническое сопротивление и неопределённость «Западной части Тихого океана»

Для Запада, и особенно для США, не желающих утрачивать свой статус глобальной имперской державы, добровольная передача лидерства Востоку и Китаю невозможна. Ожидать, что США применят модель «добровольной ликвидации» Советского Союза 1991 года, было бы исторической ошибкой. Вместо того чтобы признать собственное ослабление, США стремятся перестроить глобальную систему в свою пользу, толкая мир к контролируемой нестабильности, то есть создавая «Порядок хаоса».

В «Западно-Тихоокеанском» поясе, являющемся наиболее критически важным направлением этой стратегии, ремилитаризация двух бывших государств Оси повышает уровень глобальной военной напряжённости. В случае возможного конфликта между Китаем и Тайванем или конфликта в Южно-Китайском море Япония и Индия, по всей видимости, будут выполнять совершенно разные оперативные роли. Так, Япония, смягчающая ограничения своей пацифистской конституции, по-видимому, станет основным логистическим и военным опорным пунктом США в регионе и будет непосредственно вовлечена в конфликты вокруг Тайваньского пролива посредством разведки, морского патрулирования и систем противоракетной обороны.

Индия, напротив, избегая открытия военного фронта на сухопутной границе с Китаем, движется к тому, чтобы взять на себя преимущественно роль морской блокады в Малаккском проливе и Индийском океане. В этом контексте Нью-Дели, по всей видимости, уже реализует стратегию, направленную на логистическое парализование Китая посредством перекрытия его энергетических транспортных маршрутов, не вступая непосредственно в горячий конфликт, но обеспечивая западному альянсу критически важный логистический рычаг. Ведь для Индии Тихий океан выступает не как пространство подчинения Западу, а как рычаг, позволяющий ей стать независимым лидером Глобального Юга на основе доктрины многостороннего выравнивания.

Создаваемый Вашингтоном в Тихом океане «Порядок хаоса» можно рассматривать как опосредованную глобальную стратегию, в рамках которой союзники выдвигаются на передовые рубежи. В прогнозах относительно будущего региона непосредственное втягивание Японии в горячий конфликт может стать неизбежным, тогда как Индия, сохраняя гибкость своей политики многостороннего выравнивания, на конечном этапе может отвергнуть требования Запада о полной военной интеграции и тем самым создать серьёзную оперативную уязвимость в американской стратегии сдерживания в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Реакция Востока: будущее ревизионистских организаций и Евразийская ось

Структурный кризис, порождённый «Проблемой Запада», непосредственно катализирует изменения баланса и поиски сотрудничества внутри Восточного блока. Фрагментированный образ Запада и его агрессивные попытки консолидации обрекли Россию и Китай на «вынужденную стратегическую судьбу». В рамках баланса «Россия — Китай — Индия» позиция Нью-Дели, в свою очередь, определит судьбу внутривосточных отношений.

Как я подробно рассматривал в своём анализе под названием «От риторики к реальности: порог Нью-Дели — будущее BRICS и Турции в “многоструктурном” типике глобального порядка», Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и BRICS, формирующиеся в качестве альтернативы западноцентричной международной системе, больше не являются лишь платформами экономического и регионального сотрудничества. Они превращаются в геополитические защитные механизмы против финансовой и военной монополии Запада и в альтернативные центры глобального управления.

В этом контексте механизм «BRICS+» смещает контроль над глобальными рынками сырья и энергоресурсов в сторону незападного мира. ШОС, по всей видимости, будет эволюционировать от регионального пакта безопасности к коллективному евразийскому оборонному зонтику, тогда как BRICS, как представляется, сформирует альтернативную модель развития, способную сделать западноцентричные модели МВФ и Всемирного банка функционально неэффективными. По мере того как Запад раскалывается под воздействием собственных внутренних противоречий, Восточная ось будет заполнять этот институциональный вакуум посредством рациональной и многополярной стратегии расширения.

Действительно, институциональное укрепление Евразийской оси структурно ограничивает санкционный потенциал Запада и его финансовую гегемонию. В этой связи уже становится очевидным, что процессы дедолларизации, основанные на BRICS и ШОС, охватят более половины мирового объёма торговли и, ликвидировав трансатлантически ориентированную Бреттон-Вудскую систему, разделят мир на две чётко выраженные зоны экономического суверенитета и необратимую многополярную финансовую архитектуру.

Заключение

Ситуация, с которой мы сталкиваемся сегодня, представляет собой абсурдный парадокс: Запад больше не способен сам соблюдать правила либеральной системы, которую он создал. «Проблема Запада» порождает уменьшившийся, но более агрессивный западный блок, пытающийся сохранить себя посредством гибких, малозатратных и гибридных мини-альянсов, способных принимать решения быстрее.

Мир оказался зажат между Западом, который, с одной стороны, фрагментируется, становится более авторитарным и несёт в себе риск возвращения к историческим кодам войны, и ревизионистским Востоком, который, с другой стороны, извлекает выгоду из этого кризиса, но пока ещё не достиг полной институциональной интеграции внутри себя.

В предстоящий период судьбу глобального порядка будет определять не темп американо-китайского соперничества, а то, насколько кровавыми или бескровными окажутся внутренние процессы разложения и конфликтов, порождённые «Проблемой Запада». В этом новом мире единственным путём к выживанию и сохранению суверенитета является доктрина «Стратегической автономии», конкретным воплощением которой выступают Индия и Турция.

ANKASAM АНАЛИЗ

Стабильность Мелони и подъем Ванначчи: что думает Европа по поводу ультраправых?

Gamze BAL

В Италии правительство, сформированное в октябре 2022 года под руководством Джорджи Мелони, к 4 сентября 2026 года превысит 1400 дней своего пребывания у власти, побив рекорд, установленный вторым правительством Сильвио Берлускони, и став самым долго работающим непрерывным правительством в стране со времен Второй мировой войны.^[i] В Италии, где средний срок полномочий правительств ограничен 14 месяцами, и где с 1946 года было сформировано 68 различных правительств,^[ii] долговечность руководства Мелони является исключительным примером на фоне хронической правительственной нестабильности в Италии, а с другой — демонстрирует, что избирательный успех популистских ультраправых в Европе может трансформироваться в устойчивый опыт пребывания у власти. Более того, примечательно, что партия «Национальное будущее», основанная в феврале 2026 года под руководством Роберто Ванначчи после раскола с «Лигой», смогла заручиться электоральной поддержкой, несмотря на то, что у власти находятся ультраправые.

В этом плане опыт Мелони у власти важен для понимания условий, при которых произошло развитие событий. После вступления в должность премьер-министра Мелони взяла на себя широкий круг обязанностей, от обеспечения экономической стабильности Италии и выполнения обязательств перед Европейским союзом до альянса НАТО, государственных финансов и внешней политики всей страны. Эта ответственность показывает ограниченность возможностей преобразования радикальной риторики в жизнеспособную политику. Действительно, исследования показывают, что, хотя Мелони придерживалась умеренного и прагматичного подхода к внешней политике, она смогла сохранить значительные элементы своей ультраправой позиции по внутренним вопросам, таким как иммиграция и культурные войны.^[iii] Таким образом, правительство не отменяет политическую линию Мелони. Скорее, создает для неё необходимые рамки, определяя, в какой степени и какими средствами эта линия может быть реализована.

Именно в этот момент, когда ставятся под сомнение границы концепции, подъем Ванначчи приобретает особое значение. Потому что «Национальное будущее» не возвращает миграционную и идентификационную повестку, от которой отказалась Мелони. Точнее, утверждает, что политика, проводимая правительством Мелони, оказалась недостаточной. Ванначчи даже заявляет, что предлагает идеологическую ясность, которой правящая коалиция больше не обладает.^[iv] В частности, в вопросах гражданства и иммиграционной политики Ванначчи критикует Мелони, он предлагает увеличить срок проживания для получения итальянского гражданства до двадцати лет, сделать обязательным требование к знанию итальянского языка на высоком уровне и предоставлять гражданство на основе принадлежности, включающей соответствие культурным ценностям Италии.^[v] Кроме того, он утверждает, что одной из основных политических целей «Национального будущего» является отправка части иммигрантов из страны обратно в страны их происхождения.

В то время как приоритетом правительства Мелони является сокращение нелегальной миграции и контроль границ, для Ванначчи большую роль играет ассимиляция, расширяя дискуссию от вопроса, кто может въехать в страну, и до того, кто из уже находящихся там может считаться частью национального сообщества. Таким образом, расхождение во взглядах между Ванначчи и Мелони распространяется не только на контроль миграции, но и на определение гражданства и национальной принадлежности. Аналогичное расхождение во взглядах между Мелони и Ванначчи наблюдается в вопросах Евросоюза и внешней политики. Мелони придерживается подхода, основанного на национальном суверенитете, и проводит политику, защищающую интересы Италии в рамках Союза, что же касается Ванначчи то, он выступает за прекращение европейской политической интеграции и преобразование ЕС в более гибкую организацию, ориентированную на межгосударственное сотрудничество. Расхождение еще более заметно в вопросе Украины. В то время как Мелони, несмотря на разногласия с администрацией Трампа, поддерживает Киев и позицию Италии в НАТО, Ванначчи выступает против поставок оружия Украине и хочет восстановить отношения с Россией. Эти различия, охватывающие вопросы иммиграции и гражданства, европейской интеграции и внешней политики, затрудняют рассмотрение Ванначчи просто как более жесткой версии Мелони. В частности, его более эксклюзивный подход к гражданству и включение обратной миграции в качестве фундаментального элемента его политической программы превращают «Национальное будущее» в игрока, расширяющего границы популистского ультраправого движения.

По сути, все эти характеристики на первый взгляд можно было бы считать классической идеологией ультраправых. Однако тот факт, что «Национальное будущее» вскоре после своего основания получила широкую поддержку среди значительной части избирателей, представляет собой парадокс, заслуживающий внимания. В опросе SWG, опубликованном в начале сентября, «Национальное будущее» обогнала «Вперед, Италия», самого сильного партнера Мелони по коалиции, с 7,5%, став четвертой по величине политической силой в стране. Между тем, партия «Братья Италии» сохранила свои позиции крупнейшей партии с 26,8%.^[vi] Эти данные показывают, что, хотя Мелони сохранила лидерство и поддержку избирателей своей партии, Ванначчи также быстро набрал значительный избирательный потенциал, демонстрируя, что два разных политических игрока могут одновременно находить поддержку внутри итальянских правых. Поэтому, чтобы понять взлет Ванначчи, который нельзя объяснить как естественное следствие ослабления позиций Мелони, необходимо изучить, как он обеспечил себе поддержку избирателей. Анализ избирательной поддержки Ванначчи исключительно через призму иммиграции и политики идентичности, без учета экономических параметров, был бы неполной оценкой. Действительно, хотя правительство Мелони предприняло успешные шаги к достижению политической стабильности, укреплению доверия рынка к государственным финансам и сокращению нелегальной миграции, эти достижения не устранили давние экономические проблемы Италии. Хотя реальная заработная плата выросла на 1,3% в первом квартале 2026 года по сравнению с предыдущим годом, она остается ниже уровня 2021 года. Кроме того, рост цен на энергоносители подпитывает инфляцию, и прогнозируется, что реальная заработная плата снизится на 0,9% в 2026 году.^[vii] В этом контексте Ванначчи рассматривает дискурс миграции, безопасности и национальной идентичности не только как культурную проблему, но и связывает его с экономическими потерями. В частности, связывая высокие цены на энергоносители и экономический спад с войной на Украине, санкциями против России и текущими внешнеполитическими решениями, она интегрирует экономическое недовольство в более широкий дискурс суверенитета и национальных интересов.^[viii] Таким образом, Ванначчи предлагает избирателям целостное объяснение: экономические потери, культурные изменения и политическая нестабильность — это разные последствия одной и той же проблемы, усугубляемой ужесточением иммиграционной политики. Это объяснение облегчает Ванначчи завоевание поддержки не только среди избирателей «Лиги» и «Братьев Италии», но и среди тех, кто не голосовал на европейских выборах 2024 года, в период, когда Мелони пользовалась значительной поддержкой избирателей.

Хотя эта поддержка пока не сделала Ванначчи прямой альтернативой Мелони, стремительный рост популярности «Национальное будущее» до более чем 7% представляет собой значительную силу для ультраправых сил на предстоящих выборах. Фундаментальный вопрос для Мелони заключается в том, как раскол голосов правых повлияет на результаты выборов, если «Национальное будущее» будет баллотироваться вне правоцентристского альянса на выборах 2027 года. На выборах, где конкуренция между правоцентристскими и левоцентристскими силами высока, выдвижение Ванначчи как отдельного политического игрока может стоить Мелони мест в альянсе, особенно в округах, где действует принцип большинства.

С другой стороны, включение Ванначчи в альянс также может дорого обойтись Мелони. Жесткая политика Ванначчи в отношении иммиграции, Европейского союза, Украины и России может изменить нынешнюю политическую линию ультраправого альянса. Таким образом, Мелони должна учитывать то, что с одной стороны, возможность того, что исключение Ванначчи из альянса может расколоть голоса правых избирателей, а с другой стороны, риск того, что потенциальное партнерство может изменить политический баланс. Эта дилемма открывает для Ванначчи область влияния за пределами его нынешней доли голосов, превращая «Национальное будущее» в ключевого игрока, которого следует учитывать в избирательной стратегии правоцентристских сил.

Подъем Ванначчи — это событие, которое необходимо учитывать и Евросоюзу. За последние четыре года Мелони удавалось балансировать между институциональными и международными обязательствами и суверенным дискурсом в отношениях с ЕС. Однако Ванначчи напрямую ставит под сомнение пределы этого баланса. Подход Европейского союза, с его риторикой, такой как прекращение поддержки Украины и улучшение отношений с Россией, получает все большую поддержку избирателей. Это может подтолкнуть Мелони к более жесткой позиции в отношении политики ЕС, даже без формирования альянса с Ванначчи, чтобы сохранить свою избирательную базу. Поэтому в предстоящий период Брюсселю важно увидеть, сможет ли правительство Мелони создать достаточно большую постоянную выборную базу, чтобы оказывать внутреннее давление на европейскую политику.

Эта ситуация также добавляет новое измерение в европейские политические дебаты. Взлет Ванначчи демонстрирует, что рассматривать сдвиг вправо в Европе как одностороннее движение избирателей от традиционных центристских партий к радикальным правым — это неполный анализ. Действительно, итальянский пример показывает, что институционализация радикальных правых у власти не положила конец динамике радикализации в правой политике. Напротив, более жесткие и дискриминационные требования могут набирать силу вокруг отдельной политической программы. Таким образом, случай Ванначчи указывает на значительную возможность нового этапа в подъеме европейских ультраправых. На первом этапе крайне правые партии вывели на первый план такие вопросы, как иммиграция, национальная идентичность, суверенитет и мультикультурализм; на втором этапе некоторые из этих партий добились избирательного успеха. Однако развитие событий в Италии показывает, что ограничения, введенные правительством, могут стать движущей силой новой радикализации внутри радикальных правых.

Поскольку радикально правые правительства вынуждены ограничивать свою политику из-за институциональных и международных требований, субъекты, представляющие эти ограничения как компромиссы или недостатки, могут мобилизовать избирателей с более жесткими требованиями. В такой ситуации может начаться конкуренция между радикальными правыми, действующими с чувством ответственности за власть, и более радикальными субъектами, которые отвергают ограничения, налагаемые этой ответственностью. В результате этой конкуренции приход к власти может перестать быть механизмом, смягчающим действия радикальных правых, и вместо этого стать благодатной почвой для более жесткой политической оппозиции. Таким образом, под руководством Ванначчи «Национальное будущее» не только свидетельствует о подъеме крайне правых в Европе. Оно также показывает риск того, что ограничение влияния радикальных правых у власти может подпитывать новую волну радикализации.

В заключение, пример Италии предоставляет важные данные, показывающие, что подъем ультраправых в Европе не является линейным процессом, заканчивающимся приходом к власти. Долгосрочное правительство Мелони демонстрирует, что популистские радикальные правые могут превратить свой электоральный успех в устойчивый опыт пребывания у власти. Стремительный взлет Ванначчи демонстрирует, как институциональные, правовые, экономические и международные ограничения, налагаемые властью, стали новым источником организации для деятелей, критикующих правящих правых в праворадикальной политике. Если эта динамика, находящаяся на начальной стадии в Италии, будет наблюдаться и в других странах, институционализация крайне правых может ознаменовать начало новой фазы радикализации и стать одной из динамик, определяющих направление развития европейских ультраправых.

[i]. Bedirhan Demirel, “İtalya’da Meloni Hükümeti, Son 80 Yılın En Uzun Ömürlüsü Oldu”, Anadolu Ajansı, <https://www.aa.com.tr/tr/info/infografik/53804>, (Дата обращения: 04.09.2026).

[ii]. Там же.

[iii]. Fabien Gibault, “Giorgia Meloni: Three Years in Power, Between European Pragmatism and National Ambiguities”, The French Institute for International and Strategic Affairs (IRIS), <https://www.iris-france.org/en/giorgia-meloni-three-years-in-power-between-european-pragmatism-and-national-ambiguities/>, (Дата обращения: 04.09.2026).

[iv]. “Far-Right General Upends Italian Politics”, Politico, <https://www.politico.eu/article/far-right-general-upends-italian-politics/>, (Дата обращения: 04.09.2026).

[v]. Lisa Zanotti, “Futuro Nazionale Is Redefining What It Means to be Italian”, The London School of Economics and Political Science, <https://blogs.lse.ac.uk/euoppblog/2026/09/07/futuro-nazionale-italian-citizenship-identity/>, (Дата обращения: 07.09.2026).

[vi]. Angelo Amante, “Italy’s New Far-Right Party Becomes Fourth Most Popular in Polls”, Reuters, <https://www.reuters.com/world/italys-new-far-right-party-becomes-fourth-most-popular-polls-2026-09-01/>, (Дата обращения: 07.09.2026).

[vii]. “OECD Employment Outlook 2026: Italy”, OECD, https://www.oecd.org/en/publications/oecd-employment-outlook-2026_9c4f5c3e-en/italy_ddc2139a-en.html, (Дата обращения: 04.09.2026).

[viii]. “Russia’s ‘Trojan Horse’ in Italy Tests Giorgia Meloni”, Financial Times, <https://www.ft.com/content/1188b86e-b279-4cc7-a890-b4e2ce02cdc2?syn-25a6b1a6=1>, (Дата обращения: 07.09.2026).

ANKASAM В СМИ

2 сентябрь 2026

- Президент ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на сайте dunyo.info: Сильный Узбекистан с широким кругом надежных партнеров отвечает интересам всех
- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол Дуньо проанализировал в издании «Dünya» итоги государственного визита премьер-министра Индии Нарендры Модии в Узбекистан, состоявшегося 29–30 августа.

3 сентябрь 2026

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол в журнале «Dünya»: «Открытая и прагматичная политика Узбекистана укрепляет его позиции на международной арене»
- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!
- Зейнеп Чагла Эрин, эксперт ANKASAM по Азии и Тихоокеанскому региону, в газете «Терджуман»: Благодаря геоэкономической интеграции, обеспечиваемой Китаем, Шанхайской организацией сотрудничества и инициативой «Пояс и путь», Китай создает новую глобальную архитектуру сил с азиатским центром, противостоящую западной гегемонии.

7 сентябрь 2026

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!

10 сентябрь 2026

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!
- Эксперт по международным отношениям ANKASAM Гёктуг Чалышкан на канале «Унаснал»!

17 сентябрь 2026

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!

20 сентябрь 2026

- Председатель ANKASAM проф. д-р Мехмет Сейфеттин Эрол на радио «Голос Турции» TRT!

Вышел в свет очередной номер «Международного журнала кризисных и политических исследований» — международного рецензируемого журнала, функционирующего в рамках Анкарского центра кризисных и политических исследований (ANKASAM). Наш журнал, имеющий международное рецензирование, открытый доступ и совершенно бесплатный, сканируется 12 индексами. Это Index Copernicus, CEEOL, ASOS Index, Cite Factor, DRJI, Google Scholar, Ideal Online, Infobase, JIFACTOR, Journal Factor, Research Bible u Sindex.

Международного журнала кризисных и политических исследований - ТОМ X, ВЫПУСК I

Вышел в свет последний номер журнала «Journal of Regional Studies», который является международным рецензируемым журналом, работающим при Анкарском центре кризисных и политических исследований (ANKASAM). Мы индексируемся в 12 международных базах данных: Index Copernicus, CEEOL, ASOS Index, Cite Factor, DRJI, Google Scholar, Infobase, Ideal Online, JIFACTOR, Journal Factor, Research Bible u Sindex.

Журнал региональных исследований - ТОМ X, ВЫПУСК I